

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2026.36.66.036

Эволюция антикоррупционного законодательства Российской Федерации в контексте конституционных принципов правового государства и публичной ответственности

Сурилов Меир Нисонович

Кандидат экономических наук, доцент,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
115054, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, 36;
e-mail: Surilov.MN@rea.ru

Аннотация

Статья анализирует становление и усложнение антикоррупционного регулирования в Российской Федерации через призму конституционных принципов правового государства, публичной ответственности, правовой определенности и соразмерности ограничений прав. Показано, что ранняя ориентация на уголовно-правовое преследование взяточничества постепенно сменилась системной моделью, сочетающей профилактические инструменты, контрольные процедуры и многоуровневую юридическую ответственность. Существенное место отведено трансформации института конфликта интересов и формированию судебных подходов к его доказыванию, включая смещение акцента на формальные обязанности уведомления и последствия в виде утраты доверия. Рассматривается механизм контроля расходов и обращения имущества в доход государства как функциональный аналог внесубъектной конфискации, выявляются его коллизии с гарантиями собственности и презумптивными стандартами защиты. Обобщаются результаты правоприменения по кратным штрафам, мелкому взяточничеству, посредничеству, ответственности юридических лиц, а также последствия расширения круга субъектов антикоррупционного контроля на организации с публичными функциями. Отдельно оценивается влияние цифровизации и автоматизированного сопоставления данных на выявляемость рисков при одновременном усилении требований к защите персональной информации. Делается вывод о наличии устойчивых проблем: размытость оценочных понятий, неоднородность судебной практики, риск избирательности и дисбаланс между жесткостью норм и качеством их исполнения, что снижает предсказуемость правовых последствий и легитимность антикоррупционной политики.

Для цитирования в научных исследованиях

Сурилов М.Н. Эволюция антикоррупционного законодательства Российской Федерации в контексте конституционных принципов правового государства и публичной ответственности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 1А. С. 305-315. DOI: 10.34670/AR.2026.36.66.036

Ключевые слова

Антикоррупционное законодательство, конституционные принципы, конфликт интересов, публичная ответственность, правовая определенность, утрата доверия, контроль расходов.

Введение

Конституционная архитектура российского государства, закреплённая в Основном законе 1993 года, предполагает неразрывную связь между утверждением верховенства права и эффективностью публичного управления, что неизбежно ставит вопросы противодействия коррупционным проявлениям в центр государственно-правовой повестки. Формирование правового государства, продекларированное в первой статье Конституции, невозможно в условиях, когда публичная власть используется в частных интересах, подрывая доверие граждан к институтам и нарушая принцип равенства всех перед законом и судом. Эволюция отечественного законодательства в рассматриваемой сфере представляет собой сложный, нелинейный процесс, отражающий поиск баланса между необходимостью жёсткой репрессии в отношении коррупционеров и соблюдением фундаментальных прав человека, гарантированных международными и национальными стандартами. Понимание коррупции не просто как совокупности уголовно наказуемых деяний, а как системной угрозы конституционному строю, пришло не сразу, потребовав десятилетий проб и ошибок в нормотворчестве и правоприменении [Иванов, 2022].

Историческая ретроспектива показывает, что на ранних этапах становления современной российской государственности антикоррупционные меры носили фрагментарный, точечный характер, часто ограничиваясь рамками уголовного преследования за взяточничество и хищения, что не позволяло устранить детерминанты теневых отношений в экономике и управлении. Смена парадигмы произошла с осознанием того, что карательная политика без превентивных механизмов и институциональных реформ обречена на неудачу, что потребовало имплементации международных конвенций и разработки национального стратегического планирования [Иванов, 2021]. Важнейшим аспектом здесь выступает конституционный принцип соразмерности ограничения прав и свобод целям защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Введение жёстких запретов, ограничений и обязанностей для государственных служащих, включая декларирование доходов и расходов, по сути, является легитимным ограничением их правового статуса в обмен на властные полномочия, однако границы этого вмешательства в частную жизнь остаются предметом острых дискуссий в научном сообществе.

Современный этап развития нормативной базы характеризуется тенденцией к унификации и ужесточению требований к лицам, замещающим публичные должности, а также расширением круга субъектов, подпадающих под антикоррупционный контроль, включая работников государственных корпораций и организаций, выполняющих публичные функции. Наблюдается трансформация института юридической ответственности, где наряду с традиционной уголовной и административной ответственностью всё большее значение приобретает конституционно-правовая и дисциплинарная ответственность, выражающаяся в утрате доверия и увольнении с государственной службы. Этот институт, несмотря на свою эффективность, порождает ряд правоприменительных проблем, связанных с неопределённостью критериев и возможностью субъективного усмотрения [Курбатова, 2023]. Ключевой задачей юридической науки на текущем этапе является не только анализ текстов законов, но и выявление глубинных противоречий между декларируемыми целями антикоррупционной политики и реальной практикой их реализации судами и правоохранительными органами.

Особое внимание следует уделить вопросу о том, насколько действующие правовые

механизмы соответствуют принципу правовой определенности, являющемуся неотъемлемым элементом верховенства права. Размытость формулировок, наличие оценочных категорий в законодательстве о противодействии коррупции создают риски избирательного правоприменения, что само по себе может стать коррупциогенным фактором [Саеггаев, 2025]. Исследование эволюции законодательства через призму судебной практики позволяет выявить «болевые точки» системы: от сложностей квалификации конфликта интересов до проблем обращения в доход государства имущества, законность приобретения которого не подтверждена. Важно проследить, как менялась позиция высших судебных инстанций по данным вопросам и как эти изменения влияли на правотворческую активность законодателя, формируя замкнутый цикл правового регулирования.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, применяемых в юриспруденции для всестороннего анализа нормативного материала и правоприменительной практики. В качестве базового инструментария использовался формально-юридический метод, позволивший проанализировать содержание нормативных правовых актов, выявить их внутреннюю структуру и противоречия, а также метод сравнительного правоведения для сопоставления различных редакций законов и подходов к регулированию. Эмпирическую базу исследования сформировали более 200 нормативных правовых актов, включая Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы, Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также подзаконные акты Президента и Правительства.

Особое место в структуре источников занимают акты судебной власти, формирующие единообразие толкования правовых норм: постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также обзоры судебной практики по делам о коррупционных преступлениях и правонарушениях. В выборку для анализа вошли более 500 судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов различных инстанций за период с 2010 по 2023 год, что позволило выявить устойчивые тенденции и региональные особенности правоприменения. Для оценки эффективности антикоррупционных мер использовались статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ и отчетность Генеральной прокуратуры, подвергнутые статистическому анализу и синтезу. Теоретическую основу составили труды ведущих ученых в области конституционного, уголовного и административного права, чьи концепции послужили фундаментом для интерпретации полученных данных.

Результаты и обсуждение

Фундаментальным сдвигом в развитии отечественного антикоррупционного законодательства стало принятие в 2008 году Федерального закона № 273-ФЗ, который впервые на законодательном уровне закрепил дефиницию коррупции, выйдя за пределы узкого уголовно-правового понимания взяточничества. До этого момента правовое регулирование носило разрозненный характер, базируясь преимущественно на нормах Уголовного кодекса 1996 года, что не позволяло охватить весь спектр коррупционных проявлений, таких как

конфликт интересов, незаконное обогащение или использование служебной информации в личных целях. Принятие базового закона и последующих Национальных планов противодействия коррупции обозначило переход к системной государственной политике, сочетающей меры профилактики, уголовного преследования и минимизации последствий коррупционных правонарушений, что соответствует международным стандартам, в частности Конвенции ООН против коррупции [Шаймуллин, 2023b].

Центральным элементом новой архитектуры стала категория конфликта интересов, которая долгое время оставалась *terra incognita* для российского правоприменителя. Законодатель определил конфликт интересов как ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей. Сложность практической реализации данной нормы заключалась в необходимости доказывания не только факта наличия личной заинтересованности, но и потенциальной возможности её влияния на служебное поведение, что требует глубокого анализа должностных регламентов и фактических обстоятельств дела. Судебная практика первых лет применения закона демонстрировала разноречивость в подходах: суды часто требовали доказательств наступления реального ущерба, игнорируя превентивную природу института урегулирования конфликта интересов.

Постепенно, под влиянием разъяснений Верховного Суда и методических рекомендаций Министерства труда, сформировался подход, согласно которому сам факт не уведомления о возникшем конфликте интересов является самостоятельным и достаточным основанием для применения мер ответственности, вплоть до увольнения в связи с утратой доверия. Это свидетельствует о смещении акцента с материального состава правонарушения на формальный, где охраняемым благом выступает сама чистота публичной службы и доверие общества к государственным институтам [Понежина, Понежин, 2022]. Однако анализ судебных решений показывает, что грань между реальным конфликтом интересов и гипотетической возможностью его возникновения остается тонкой. Нередки случаи, когда к ответственности привлекаются служащие за действия, совершенные их дальними родственниками или свойственниками, о которых они могли и не знать, что поднимает вопрос о пределах вины в дисциплинарных правонарушениях коррупционного характера.

Важной вехой в развитии законодательства стало введение механизма контроля за расходами лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц, осуществляющих публичные полномочия. Федеральный закон № 230-ФЗ создал правовую основу для обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Данный институт, имеющий гражданско-правовую природу, фактически выполняет функцию конфискации *in rem*, известную зарубежным правовым порядкам, и вызывает ожесточенные споры относительно его соответствия презумпции невиновности и праву собственности [Шаймуллин, 2023a]. Конституционный Суд неоднократно проверял конституционность данных норм, подтвердив право законодателя устанавливать особые требования к лицам, обладающим властными полномочиями, однако указал на недопустимость формального подхода и необходимость учета всех обстоятельств приобретения имущества.

Правоприменительная практика по делам об обращении имущества в доход государства демонстрирует тенденцию к расширению круга ответчиков. Изначально иски предъявлялись

непосредственно к чиновникам и их супругам, однако впоследствии прокуратура начала активно использовать институт взыскания имущества, оформленного на третьих лиц (родителей, совершеннолетних детей, знакомых), если удавалось доказать, что фактическим выгодоприобретателем является должностное лицо. Суды, рассматривая такие дела, исходят из того, что мнимые сделки и формальная регистрация права собственности не могут служить защитой от изъятия коррупционных активов. Это требует от судей высокой квалификации и способности анализировать сложные финансовые схемы, выходящие за рамки стандартных гражданско-правовых споров, а также применять стандарты доказывания, отличные от классического гражданского процесса.

Уголовно-правовая репрессия также претерпела значительные изменения, направленные на дифференциацию ответственности и внедрение экономических санкций. Введение в 2011 году кратных штрафов за получение и дачу взятки рассматривалось как гуманизация уголовной политики и способ подорвать экономическую базу коррупции. Однако практика показала низкую исполнимость таких приговоров: осужденные зачастую не обладали легальными активами для уплаты многомиллионных штрафов, что приводило к необходимости замены наказания на реальное лишение свободы [Саидов, Ниматулаева, 2024]. В ответ на это законодатель скорректировал санкции, вернув возможность назначения лишения свободы со штрафом в качестве дополнительного наказания, что позволило судам более гибко подходить к избранию меры государственного принуждения с учетом личности виновного и тяжести содеянного.

Отдельного внимания заслуживает проблема квалификации мелкого взяточничества (ст. 291.2 УК РФ). Выделение данного состава в отдельную норму было призвано разгрузить следственные органы и суды от сложных процедур по делам о незначительных суммах, однако на практике это привело к статистическим искажениям и возможности манипулирования показателями борьбы с коррупцией. Анализ уголовной статистики свидетельствует о том, что значительная доля приговоров выносится именно по фактам мелкого взяточничества (врачи, преподаватели, сотрудники ГИБДД), в то время как выявление и расследование масштабных коррупционных схем с участием высокопоставленных должностных лиц требует гораздо больших ресурсов и политической воли. Это создает риск имитации бурной деятельности правоохранительных органов, когда количество возбужденных дел растет, а реальный уровень коррупции в стратегически важных отраслях экономики не снижается [Подольский, 2025].

Институт освобождения от уголовной ответственности за дачу взятки при условии активного содействия раскрытию преступления и добровольного сообщения о нем органу, имеющему право возбудить уголовное дело, играет двоякую роль. С одной стороны, он является эффективным инструментом разрушения коррупционных связей и круговой поруки, позволяя выявлять получателей взяток. С другой стороны, существует опасность провокации взятки со стороны правоохранительных органов или недобросовестных граждан, использующих данный механизм для устранения конкурентов или сведения личных счетов. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях неоднократно подчеркивал недопустимость провокационных действий, указывая, что согласие должностного лица принять взятку должно быть добровольным, а не результатом психологического давления или искусственно созданных условий [Фокеева, Годунов, 2023].

Цифровизация государственного управления внесла свои коррективы в методы противодействия коррупции. Внедрение системы ГИС «Посейдон», агрегирующей данные из различных государственных реестров, позволяет в автоматическом режиме выявлять расхождения в декларациях чиновников и признаки конфликта интересов. Это снижает роль

человеческого фактора на этапе первичного анализа сведений, однако окончательное решение о наличии нарушения и применении мер ответственности по-прежнему принимает кадровая комиссия и руководитель органа. Технологии больших данных и искусственного интеллекта открывают новые перспективы для предиктивного анализа коррупционных рисков, но вместе с тем ставят вопросы о защите персональных данных и возможности технической ошибки, которая может стоить человеку карьеры и репутации.

Существенной проблемой остается недостаточная гармонизация законодательства о государственной службе и трудового законодательства в части антикоррупционных стандартов. Работники государственных корпораций и фондов, выполняющие публично значимые функции, подпадают под действие ограничений, установленных законом о противодействии коррупции, но процедура их привлечения к ответственности регулируется Трудовым кодексом, который не всегда учитывает специфику коррупционных правонарушений. В частности, сроки давности привлечения к дисциплинарной ответственности, порядок проведения служебных проверок и возможность обжалования решений вызывают множество вопросов на практике [Шевурдяев, 2021]. Суды вынуждены восполнять пробелы законодательства путем толкования норм по аналогии, что не способствует единообразию правоприменения.

Особый интерес представляет развитие института ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения (ст. 19.28 КоАП РФ). Российское законодательство не предусматривает уголовной ответственности корпораций, ограничиваясь административными штрафами за незаконное вознаграждение от имени юридического лица. Размеры штрафов могут быть весьма внушительными и достигать сотен миллионов рублей, что делает данный инструмент грозным оружием в руках государства. Вместе с тем, механизм освобождения юридического лица от ответственности в случае, если оно способствовало выявлению правонарушения, работает недостаточно эффективно, так как критерии такого «способствования» четко не определены. Нередки ситуации, когда компания, добровольно сообщившая о факте подкупа ее сотрудником чиновника, все равно привлекается к ответственности из-за формального подхода контролирующих органов [Кожевников, Безруков, 2023].

Анализ нормативной базы показывает, что законодатель стремится закрыть все возможные лазейки для коррупционеров, вводя новые ограничения, такие как запрет на владение иностранными финансовыми инструментами, использование цифровых финансовых активов и криптовалюты. Это отражает глобальный тренд на деофшоризацию элит и повышение финансовой прозрачности. Однако эффективность данных запретов напрямую зависит от возможностей международного сотрудничества и обмена информацией с финансовыми разведками других стран, что в текущих геополитических условиях существенно затруднено. В результате возникает риск, что жесткие нормы останутся декларативными, а реальные активы будут скрываться с использованием более изощренных схем и юрисдикций, недоступных для российского правосудия.

Интересным аспектом является расширение понятия «должностное лицо» в уголовном праве. Включение в этот круг лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных и муниципальных учреждениях, унитарных предприятиях и акционерных обществах с государственным участием, позволило распространить режим уголовной ответственности за взятки на широкий спектр управленцев в реальном секторе экономики. Судебная практика подтверждает, что руководители дочерних структур госкомпаний также могут признаваться субъектами коррупционных преступлений,

если они наделены соответствующими полномочиями. Это размывает границы между публичной и частной коррупцией, подчеркивая публичный интерес в обеспечении честности управления государственной собственностью в любых ее формах [Габибуллаев, 2025].

Правовая экспертиза нормативных правовых актов на коррупциогенность, ставшая обязательной процедурой, позволила на ранних стадиях отсеивать нормы, создающие условия для произвола чиновников. Типичные коррупциогенные факторы, такие как широта дискреционных полномочий, отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решений, наличие дублирующих полномочий, выявляются прокуратурой и органами юстиции в тысячах проектов ежегодно. Тем не менее, качество нормотворчества, особенно на муниципальном уровне, оставляет желать лучшего. Нередко формулировки административных регламентов намеренно усложняются, создавая административные барьеры, преодоление которых возможно лишь «в ручном режиме», что и порождает бытовую коррупцию [Щербаков, 2025].

Вопросы защиты заявителей о коррупции также требуют дальнейшей проработки. Несмотря на наличие законодательных гарантий, механизмы их реализации остаются слабыми. Лица, сообщившие о фактах коррупции, часто подвергаются давлению со стороны руководства, увольнению или травле в коллективе. Существующая программа защиты свидетелей ориентирована преимущественно на уголовный процесс и физическую безопасность, в то время как заявители нуждаются прежде всего в трудовых и социально-правовых гарантиях. Отсутствие эффективной системы защиты вистблэуэров (информаторов) сдерживает гражданскую активность и снижает выявляемость латентной коррупции.

В контексте конституционных принципов важно отметить, что борьба с коррупцией не должна превращаться в инструмент политической борьбы или способ передела собственности. Принцип равенства перед законом предполагает неотвратимость ответственности независимо от должностного положения и партийной принадлежности. Однако анализ резонансных уголовных дел заставляет задуматься о наличии избирательности в правоприменении, когда антикоррупционная риторика используется для устранения неудобных управленцев, в то время как аналогичные действия лояльных чиновников остаются без внимания правоохранителей. Это подрывает легитимность антикоррупционной политики и порождает правовой нигилизм в обществе [Щербаков, 2025].

Проблема квалификации посредничества во взяточничестве также вызывает дискуссии. Законодатель ужесточил ответственность за обещание или предложение посредничества, что свидетельствует о стремлении пресечь деятельность профессиональных «решал». Суды исходят из того, что посредник действует умышленно в интересах взяткодателя или взяткополучателя, осознавая противоправный характер своих действий. Сложности возникают при разграничении посредничества и мошенничества, когда лицо получает деньги якобы для передачи взятки, но фактически присваивает их себе. Правильная квалификация зависит от установления умысла виновного на момент получения денежных средств, что требует тщательного сбора доказательственной базы.

Необходимо отметить роль гражданского общества и средств массовой информации в противодействии коррупции. Законодательство декларирует открытость и публичность деятельности государственных органов, однако на практике доступ к информации часто ограничивается под предлогом защиты служебной тайны или персональных данных. Журналистские расследования, вскрывающие факты незаконного обогащения чиновников, часто становятся поводом для проверок, но далеко не всегда приводят к возбуждению

уголовных дел. Взаимодействие государства и институтов гражданского общества должно строиться на принципах партнерства, а не конфронтации, что требует изменения ментальности как чиновников, так и общественных активистов.

Оценка эффективности антикоррупционных мер не может базироваться исключительно на количественных показателях (число осужденных, сумма возмещенного ущерба). Необходим качественный анализ изменений в правосознании граждан и состоянии делового климата. Социологические опросы показывают, что уровень толерантности к коррупции в обществе постепенно снижается, однако бытовая коррупция в сферах здравоохранения, образования и ЖКХ остается высокой. Это свидетельствует о том, что карательные меры должны дополняться структурными реформами в соответствующих отраслях, направленными на устранение дефицита услуг и повышение прозрачности процедур их предоставления.

Таким образом, анализ законодательства и правоприменительной практики выявляет сложную картину, где прогрессивные новеллы соседствуют с архаичными подходами, а жесткость законов компенсируется необязательностью их исполнения. Конституционные принципы правового государства требуют постоянной корректировки курса, направленной на обеспечение верховенства права, защиту прав человека и создание эффективных институтов публичной власти, свободных от коррупционного влияния.

Заключение

Проведенное исследование эволюции антикоррупционного законодательства Российской Федерации позволяет констатировать, что за последние полтора десятилетия была сформирована мощная нормативная база, охватывающая практически все аспекты взаимодействия государства и общества. Произошел переход от декларативных лозунгов к созданию жесткой вертикали антикоррупционного контроля, пронизывающей все уровни публичной власти. Конституционно-правовая ответственность, выраженная в институте утраты доверия, стала реальным инструментом кадровой чистки, позволяющим оперативно освобождаться от служащих, чья лояльность закону вызывает сомнения. Внедрение механизмов контроля за расходами и обращение незаконно нажитого имущества в доход государства существенно повысило риски коррупционного поведения, сделав его экономически нецелесообразным для значительной части бюрократии.

Вместе с тем, правоприменительная практика высветила ряд системных проблем, требующих доктринального осмысления и законодательного разрешения. Чрезмерная формализация антикоррупционных требований нередко приводит к тому, что под ударом оказываются добросовестные служащие, допустившие технические ошибки в декларациях, в то время как бенефициары масштабных схем находят способы обхода установленных запретов. Принцип пропорциональности ответственности характеру правонарушения соблюдается не всегда, что создает напряженность в среде государственных служащих и может демотивировать квалифицированные кадры к поступлению на государственную службу. Баланс между публичными интересами борьбы с коррупцией и частными правами на неприкосновенность частной жизни и собственность остается хрупким и подверженным колебаниям в зависимости от текущей политической конъюнктуры.

Перспективы развития законодательства лежат не столько в плоскости дальнейшего ужесточения уголовных санкций, ресурс устрашения которых практически исчерпан, сколько в совершенствовании превентивных механизмов и цифровизации контроля. Внедрение

технологий искусственного интеллекта и автоматизированного анализа больших данных способно минимизировать человеческий фактор и обеспечить неотвратимость реакции на коррупционные индикаторы. Однако технологический прогресс должен сопровождаться усилением гарантий правовой защиты лиц, попавших в орбиту антикоррупционных проверок, чтобы исключить возможность технической ошибки или злоупотребления правом со стороны контролирующих органов. Важнейшей задачей остается гармонизация различных отраслей права — конституционного, административного, трудового и уголовного — для создания непротиворечивой системы регулирования.

Дальнейшее укрепление правового государства невозможно без повышения качества работы судебной системы, которая должна выступать не просто штамповщиком решений следственных органов, а независимым арбитром, оценивающим доказательства с позиций презумпции невиновности и состязательности сторон. Судебная практика должна формировать четкие и понятные стандарты поведения, исключая двойное толкование норм и обеспечивающие предсказуемость правовых последствий. Только в условиях реального верховенства права и равенства всех перед законом антикоррупционная политика может достичь своей конечной цели — создания чистой, эффективной и подотчетной обществу публичной власти, действующей в интересах человека и гражданина.

Библиография

1. Габидуллаев К.М. Теоретические основы генезиса норм о предупреждении коррупционных правонарушений // Образование и право. 2025. №8. С. 557-562.
2. Иванов А.А. Антикоррупционные положения в Конституции Российской Федерации: проблема целесообразности и эффективности // Правовая мысль. 2021. №2 (3). С. 30-34.
3. Иванов А.А. О конституционно-правовых механизмах реализации антикоррупционной функции государства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. №1 (48). С. 13-20.
4. Кабанов П.А. Правовое регулирование и основные формы реализации государственной политики противодействия коррупции торгово-промышленными палатами Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2023. №2 (47). С. 22-31.
5. Кожевников О.А., Безруков А.В. Конституционализация антикоррупционного законодательства на примере закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. №3. С. 24-27.
6. Курбатова С.М. Антикоррупционные стандарты как элемент механизма российской государственности // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2023. №4 (46). С. 135-137.
7. Подольский Г.В. Основные направления антикоррупционной государственной политики в Российской Федерации // Образование и право. 2025. №8. С. 34-42.
8. Понежина Л.Ю., Понежин М.Ю. К вопросу об административно-правовых механизмах противодействия коррупции: история и современность // Юристы-Правоведы. 2022. №4 (103). С. 141-146.
9. Саетгараев В.Ф. Особенности реализации публично-правового механизма антикоррупционной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2025. №2 (74). С. 52-62.
10. Саидов Х.А., Ниматулаева Р.А. Конституционный принцип разделения властей и проблемы противодействия коррупции // Евразийский юридический журнал. 2024. №8 (195). С. 113-114.
11. Фокеева Е.А., Годунов О.И. К вопросу о месте антикоррупционного законодательства в системе современного российского права // Правовая реформа. 2023. №1. С. 66-68.
12. Шаймуллин Р.К. 30-летие принятия Конституции Российской Федерации и современная антикоррупционная политика // Право и государство: теория и практика. 2023а. №11 (227). С. 165-167.
13. Шаймуллин Р.К. Учет отдельных конституционных положений о единстве публичной власти в антикоррупционном законодательстве Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023б. №12 (228). С. 203-204.
14. Шевердяев С.Н. Осмысление конституционного принципа противодействия коррупции: к вопросу о необходимости поддержки антикоррупционных исследований в российском конституционном праве //

Законодательство. 2021. №1. С. 34-39.

15. Щербаков М.В. Принцип социальной ответственности бизнеса как инструмент балансирования прав собственников и обязательств перед обществом в современном российском законодательстве // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. №6. С. 136-143.

Evolution of Anti-Corruption Legislation of the Russian Federation in the Context of Constitutional Principles of the Rule of Law and Public Responsibility

Meir N. Surilov

PhD in Economics, Associate Professor,
Plekhanov Russian University of Economics,
115054, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Surilov.MN@rea.ru

Abstract

The article analyzes the formation and increasing complexity of anti-corruption regulation in the Russian Federation through the prism of constitutional principles of the rule of law, public responsibility, legal certainty, and proportionality of restrictions on rights. It is shown that the early focus on criminal prosecution of bribery gradually gave way to a systemic model combining preventive instruments, control procedures, and multi-level legal responsibility. A significant place is given to the transformation of the institution of conflict of interest and the formation of judicial approaches to its proof, including a shift in emphasis to the formal duties of notification and the consequences in the form of loss of confidence. The mechanism of expenditure control and the reversal of property to state income as a functional analogue of non-subject confiscation is examined, and its conflicts with property guarantees and presumptive standards of protection are identified. The results of law enforcement regarding multiple fines, petty bribery, mediation, liability of legal entities, as well as the consequences of expanding the circle of subjects of anti-corruption control to organizations with public functions are summarized. The impact of digitalization and automated data comparison on the detectability of risks is separately assessed, along with the simultaneous strengthening of requirements for the protection of personal information. A conclusion is drawn about the presence of persistent problems: vagueness of evaluative concepts, heterogeneity of judicial practice, risk of selectivity, and an imbalance between the rigidity of norms and the quality of their implementation, which reduces the predictability of legal consequences and the legitimacy of anti-corruption policy.

For citation

Surilov M.N. (2026) Evolyutsiya antikorrupcionnogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii v kontekste konstitutsionnykh printsipov pravovogo gosudarstva i publichnoy otvetstvennosti [Evolution of Anti-Corruption Legislation of the Russian Federation in the Context of Constitutional Principles of the Rule of Law and Public Responsibility]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (1A), pp. 305-315. DOI: 10.34670/AR.2026.36.66.036

Keywords

Anti-corruption legislation, constitutional principles, conflict of interest, public responsibility, legal certainty, loss of confidence, expenditure control.

References

1. Fokeyeva, E. A., & Godunov, O. I. (2023). K voprosu o meste antikorrupsionnogo zakonodatel'stva v sisteme sovremennogo rossiyskogo prava [On the issue of the place of anti-corruption legislation in the system of modern Russian law]. *Pravovaya reforma*, (1), 66-68.
2. Gabibullayev, K. M. (2025) Teoreticheskiye osnovy genezisa norm o preduprezhdenii korruptsionnykh pravonarusheniy [Theoretical foundations of the genesis of norms on the prevention of corruption offenses]. *Obrazovaniye i pravo*, (8), 557-562.
3. Ivanov, A. A. (2021). Antikorrupsionnyye polozheniya v Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: problema tselesoobraznosti i effektivnosti [Anti-corruption provisions in the Constitution of the Russian Federation: The problem of expediency and effectiveness]. *Pravovaya mysl'*, (2), 30-34.
4. Ivanov, A. A. (2022). O konstitutsionno-pravovykh mekhanizмах realizatsii antikorrupsionnoy funktsii gosudarstva [On constitutional and legal mechanisms for implementing the anti-corruption function of the state]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki*, (1), 13-20.
5. Kabanov, P. A. (2023). Pravovoye regulirovaniye i osnovnyye formy realizatsii gosudarstvennoy politiki protivodeystviya korruptsii torгово-promyshlennymi palatami Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation and main forms of implementation of the state anti-corruption policy by the chambers of commerce and industry of the Russian Federation]. *Monitoring pravoprimeneniya*, (2), 22-31.
6. Kozhevnikov, O. A., & Bezrukov, A. V. (2023). Konstitutsionalizatsiya antikorrupsionnogo zakonodatel'stva na primere zakona RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14 marta 2020 g. №1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti" [Constitutionalization of anti-corruption legislation on the example of the law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority"]. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovyye voprosy*, (3), 24-27.
7. Kurbatova, S. M. (2023). Antikorrupsionnyye standarty kak element mekhanizma rossiyskoy gosudarstvennosti [Anti-corruption standards as an element of the mechanism of Russian statehood]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, (4), 135-137.
8. Podolskiy, G. V. (2025) Osnovnyye napravleniya antikorrupsionnoy gosudarstvennoy politiki v Rossiyskoy Federatsii [Main directions of anti-corruption state policy in the Russian Federation]. *Obrazovaniye i pravo*, (8), 34-42.
9. Ponezhina, L. Yu., & Ponezhin, M. Yu. (2022). K voprosu ob administrativno-pravovykh mekhanizмах protivodeystviya korruptsii: istoriya i sovremennost' [On the issue of administrative and legal mechanisms for combating corruption: history and modernity]. *Yurist' - Pravoved'*, (4), 141-146.
10. Saetgarayev, V. F. (2025). Osobennosti realizatsii publichno-pravovogo mekhanizma antikorrupsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii [Features of the implementation of the public-legal mechanism of anti-corruption policy in the Russian Federation]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, (2), 52-62.
11. Saidov, Kh. A., & Nimatulayeva, R. A. (2024). Konstitutsionnyy printsip razdeleniya vlastey i problemy protivodeystviya korruptsii [The constitutional principle of separation of powers and problems of combating corruption]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (8), 113-114.
12. Shaymullin, R. K. (2023a). 30-letiyе prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i sovremennaya antikorrupsionnaya politika [30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and modern anti-corruption policy]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (11), 165-167.
13. Shaymullin, R. K. (2023b). Uchet otdel'nykh konstitutsionnykh polozheniy o yedinstve publichnoy vlasti v antikorrupsionnom zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii [Consideration of certain constitutional provisions on the unity of public authority in the anti-corruption legislation of the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (12), 203-204.
14. Shcherbakov, M. V. (2025). Printsip sotsial'noy otvetstvennosti biznesa kak instrument balansirovaniya prav sobstvennikov i obyazatel'stv pered obshchestvom v sovremennom rossiyskom zakonodatel'stve [The principle of social responsibility of business as a tool for balancing the rights of owners and obligations to society in modern Russian legislation]. *Akademicheskii issledovatel'skiy zhurnal*, 3(6), 136-143.
15. Sheverdyayev, S. N. (2021). Osmysleniye konstitutsionnogo printsipa protivodeystviya korruptsii: k voprosu o neobkhodimosti podderzhki antikorrupsionnykh issledovaniy v rossiyskom konstitutsionnom prave [Understanding the constitutional principle of combating corruption: on the need to support anti-corruption research in Russian constitutional law]. *Zakonodatel'stvo*, (1), 34-39.